

18 ~~+~~ Виталий Пажитнов

Город в тумане

Рассказы, новеллы

Виталий Пажитнов

Город в тумане. Рассказы, новеллы

«Издательские решения»

Пажитнов В.

Город в тумане. Рассказы, новеллы / В. Пажитнов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830990-8

В этой книге я решил представить небольшую подборку из моих рассказов, причём почти все рассказы, вошедшие в этот сборник, — это из «самых ранних», первых после довольно долгого перерыва работ. Ну что же, но и в этих рассказах читатель сможет найти и немного сюрреализма, и немного фантастики, и немного сказки, и просто — художественную литературу. Ну что же, и автор тоже надеется, что и у этой его книги найдётся свой читатель...

ISBN 978-5-44-830990-8

© Пажитнов В.
© Издательские решения

Содержание

Небольшое предисловие от автора	6
Город в тумане...	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Город в тумане

Рассказы, новеллы

Виталий Пажитнов

© Виталий Пажитнов, 2020

ISBN 978-5-4483-0990-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Небольшое предисловие от автора

В этот раз я решил издать эту книгу рассказов, подобранных мной из написанных ещё в то время, когда я после довольно-таки большого перерыва снова взялся за «перо и прозу», (это было в 2010 году, а до этого времени я очень долго и много занимался в основном стихами и музыкой) и в этой книге представлены первые написанные мной в тот период рассказы (и одна новелла) в том числе и самый первый рассказ, – или «фантазия на свободную тему или повесть, которая никогда не кончается» – «Странный гость». Да, кроме этих четырёх первых работ я включил сюда и один из моих уже более поздних рассказов, – «Небольшой рассказ, где в сень Балтийских волн...» написанный весной 2015 года и поставленный мною в этой книге вторым. Начинается эта книга с работы «Город в тумане», вторым идёт этот «небольшой Рассказ», – я поставил их так чисто из авторских симпатий, но и остальные мои 3 рассказа также содержат в себе и немного художественного сюрреализма, немного фантастики и всё это – художественная литература, что пишущего автора уже на что-то, но обязывает... А ведь задача Автора, и тем более в современном мире, – это вообще-то и просто принести какую-нибудь, улыбку, мысль, что-нибудь из вечных ценностей, какую-нибудь частичку Света в этот окружающий нас обыденный и к сожалению, частенько не всегда довольно-таки светлый мир... Да, и хотя так всегда было и раньше и так-же это всё будет и позже, и от этого не убежишь, – это история... Ну что-же, и хотя эти первые мои работы были и своеобразным «поиском места пера», творческим поиском, и творческими пробами... Но вы меня извините, но я всё-таки очень надеюсь, что и эта моя книга также всё-таки найдёт своего читателя...

Автор

Город в тумане...

Довольно странно опускался вечер. После жаркого дня, а особенно полудня когда даже дышать было жарковато, только тогда над нагретыми крышами начали появляться сначала небольшие, а потом уже более большие и объёмные внушительные облака обезвредившие жаркое и весьма назойливое солнце и даровавшие наконец спокойный и тёплый вечер продуваемый лёгким ветром-сквозняком который спокойно гулял по дворам и подворотням выметая на улицы то что ещё три-четыре часа назад можно было назвать жарой. Солнце зашло так и не появившись из-за густой пелены спасительных в этот день облаков, а спустя два часа по крышам и стёклам застучал довольно сильный ливень, барабана по стёклам и асфальту и оставляя бурные пузыри на ночных лужах.

Когда Андрей проснулся потягиваясь в своей уютной холостяцкой кровати, за окнами его дома стояла довольно густая пелена тумана сквозь которую совершенно ничего нельзя было увидеть дальше пяти-семи метров и этот туман клубился завесой молочного цвета и был такой густой, что временами даже казалось что иногда можно было просто просунуть в него руку и потрогать его на ощупь... На самом деле этот туман укрыл пологом-шапкой весь город, ещё вчера так жарко изнывающий от зноя и нёс в себе спокойствие и тишину. Андрей потянулся на своих подушках, взглянул за окно, зевнул и решил что сегодня никуда вообще-то спешить не надо. Он отвернулся к стене, ещё раз глубоко зевнул, минут пятнадцать полежал закрыв глаза после чего счастливо и прекрасно заснул закинув на голову вторую подушку.

Когда он проснулся было уже где-то три часа дня, кости и суставы хорошо и ладно похрустывали и туман за окном так и не думал рассеиваться. Он полежал минут десять глядя на эту молочную пелену за окном, потом поднялся, взял бритвенные приборы и полотенце и пошёл в ванную соскрёбывать трёхдневную растительность со своего лица. Покончив с этим и поставив чайник он краем глаза заметил оставленный им ещё позавчера на этажерке почтовый конверт пришедший от совершенно незнакомых ему личностей которые уверяли в письме что они его давние, хоть и довольно дальние родственники и что они до сих пор умиляются его видом и шалостям, кои были ему свойственны когда ему было где-то около трёх лет, и как они нянчились с ним, катали его в коляске, водили гулять в парк усаженный большими тополями а дальше в письме шло довольно скучное и однообразное описание их собственного житья и оканчивалось непременно уверением, что им когда-нибудь надо будет встретиться. (Правда, где и когда это могло бы произойти, там совершенно было несказанно ни единой строчкой). Да и конечно-же, сколько Андрей ни старался вспомнить, сколько не перерывал свои довольно-таки приличные семейные архивы, в довольно приличном избытке хранившиеся у него в ящике комода, но ничего похожего на эту дальнюю родственную связь ему там обнаружить так и не удалось и никаких таких заботливых имён, когда-то будто бы возивших его в коляске, никаких даже отдалённо похожих фамилий в его довольно приличной семейной картотеке не значилось. Так что это письмо так и осталось лежать на его этажерке. Он немного зевнул, посмотрел на это письмо, подошёл к этажерке и закинул его на нижнюю полку чтобы оно не мозолило ему глаза.

Когда он уже допивал вторую чашку кофе и собирался подогреть чайник для третьей, и самой наверное вкусной как его гитара, стоявшая в дальнем углу комнаты зазвенела, произвела лёгкий мелодичный перебор и сама собой произвела лёгкий вступительный проигрыш к «smock on the water», который повторила два раза и только потом послушно замолчала.

Андрей налил себе третью чашку кофе и не спеша размешивая сахар философски рассудил, что раз его гитара изволила как-то проснуться и выдать какие-то звуки, то, судя по всему, его соседи сверху тоже проснулись и решили погулять и что сейчас они откроют дверь и станут уже спускаться по лестнице.

И – действительно, через две минуты этажом выше с жутким скрежетом отворилась тяжёлая дверь, послышалось грузное шарканье и какая-то возня, потом звон ключей и щелчки закрывающегося замка и потом грузное шарканье шагов двух довольно уже взрослых братьев, один из которых был довольно-таки не маленького роста, но всё-таки довольно грузно-располневшим, а второй был на голову с небольшим длиннее его и был тощий как свежесжатая трость на верхушке которой покоилась (ютилась!) весьма солидных размеров голова, непонятно как только гармонирующая с довольно тощей шеей и которая имела обычай кивать и наклоняться в такт походки ног с очень большим размером обуви и ещё как-то гармонировать с жестами и взмахами больших длинных рук с широкими ладонями и большими пальцами, и которая не имела обыкновения носить в себе каких-то умных мыслей и не говорить каких-либо умных речей.

– Так слушай, может мы всё-таки купим к моему дню рождения ещё одну пепельницу, такую, как мы видели, да, ту самую большую и с розовыми разводами по краям?

– Да успокойся, Алёша, у нас этих пепельниц уже восемнадцать штук, куда нам ещё? – Ну, может всё-таки, к дню рождения... – можно было слышать их разговор, сопровождавшийся шарканьем ног и обильными сопеньями и вздыханиями, происходившими вероятно при спуске на каждую нижеследующую ступеньку лестницы. Отголосок их разговора гулко отдавался во множествах изгибов лестничных перекрытий и тяжело скрипнув грузной входной дверью вроде-бы затих и как-то неслышно скрылся уже где-то в уличном пространстве.

Андрей размешал остаток сахара в чашке кофе, достал чуть помятую но настоящую Гавайскую сигару (хоть она и была чуть-чуть поменьше обычных громоздких и грузных сигарных величин) осторожно обрезал её с одной стороны маленьким кухонным ножом, потом достал большую каминную зажигалку и медленно и со вкусом прикурил тщательно обжигая её края и с удовольствием делая первую крепкую обжигающую затяжку.

Зажав свою гавайскую сигару в одной руке, а в другой держа чашку с кофе он положил ноги на небольшой журнальный столик и поудобнее устроившись в кресле стал рассматривать полосу тумана за окном, который так и не рассеялся и хоть в нём ничего невозможно было рассмотреть, таким плотным и густым он был, но он как-то смягчал и радовал взгляд, и было просто приятно сидеть и смотреть на эту плотную и иногда колеблющуюся пелену, глядя на которую глаза просто отдыхали и очень хотелось просто подумать о чём-нибудь очень хорошем и спокойном...

Куда-нибудь спешить или даже просто вылезать на улицу он совершенно не собирался, туман висевший за окном и укрывший своей пеленой вероятно весь город настраивал на весьма мирный и уютный лад, когда не хотелось ни заниматься какими-либо делами, ни придаваться каким-то глупым хлопотам а хотелось просто расслабиться и отдохнуть глядя на это спокойствие и умиротворение висевшее за окном во дворах и на улицах, и, судя по всему, время, довольно-таки умаявшись от всякой городской кутерьмы и слякоти, само тоже расположилось в каком-то весьма потаённом месте на каком-то уютном подобии кресла и тоже отдыхало купаясь в густой и мягкой пелене тумана.

Во всяком случае, на улице в этот день вообще-то не было заметно ни души...

Покончив со своей сигарой и подкрепив царящее спокойствие чашкой чая с молоком Андрей снял с книжной полки томик Джойса и с карандашом и стиральной резинкой в руке стал рассматривать карандашные отметки на полях, которые он сделал ещё будучи в студенческом возрасте. Так, небрежно и не спеша перелистывая толстую книгу и покуривая вполне приличные и дорогие сигареты время на его настольных часах потихоньку перевалило уже где-то ближе к седьмому часу.

Он отложил книгу, подошёл к чайнику, насыпал в чашку кофе но тут его верная гитара стоявшая в углу у окна за занавеской снова выдала мелодичный перебор и очень тонко проиграла ностальгическую мелодию Битловского «yesterday». Андрей повёл бровью, поставил

чашку на стол и вопросительно взглянул на дальний угол комнаты. И верно, меньше чем через полминуты стоявший на тумбочке рядом с этажеркой телефон зазвенел и по длинным звонкам можно было угадать что это звонит межгород. Он подошёл, снял трубку и не без удовольствия для себя услышал Ленин голос. Она звонила из Анапы, куда она две недели назад уехала в весьма льготную командировку, в которой было всего-то примерно на пол дня лёгкой работы с какими-то глупыми документами и три с половиной недели свободного времени, которое было полностью, если даже не с лихвой оплачено её конторой и естественно которые она могла проводить по любому своему усмотрению.

Да и Лена отдыхала, купалась, загорала на пляже, загорела почти до черноты и уже ужасно по нему соскучилась.

– Что, что, как с жильём? Отлично, первоклассный и очень уютный отель, да и ещё Андрюша, я купила кучу всякой мелочёвки, и кое-что для тебя, надеюсь ты будешь доволен, да, и ещё тебе и твоей музыкальной коллекции наверное понравится что я совершенно случайно наткнувшись купила несколько твоих любимых пластинок, совершенно новых и не распечатанных, чистый винил, там есть последний концерт «led zeppelin» и ещё кое что, что ты любишь. Ну, да что ты, и конечно-же и ещё кое что для тебя. Ужасно без тебя соскучилась, буду через полторы недели, ужасно скучаю и жду не дожусь, так что жди меня с подарками, люблю, целую, Лена.

Да, это была его давняя знакомая Лена, Лена, егоза Елена, с которой он был знаком где-то года уже четыре и с которой у них были очень тёплые отношения, частенько переходящие в лёгкий и довольно горячий флирт, совершенно взаимный и совершенно ни к чему не обязывающий. Так что скорее всего когда она вернётся, то они по меньшей мере недели три, если не месяца полтора будут жить у него вместе, такие случаи у них довольно-таки часто случались (особенно после каких-нибудь разлук или поездок кого-нибудь по дальним местам) после чего они спокойно разъезжались по своим квартирам, созванивались, встречались, шутили и иногда коротали романтические день-два в его или её квартире.

Вообще-то по её голосу и манере говорить Андрей в общем без особого труда угадал что это скорее всего будет их общая и близкая компания примерно где-то на месяц, если не на два. И положив телефонную трубку и подойдя к чайнику он ещё раз вопросительно посмотрел на свою гитару, стоящую в углу за занавеской, но его старый и вполне приличный «Гиббсон» ничем больше не выдавал своего присутствия и погрозив на всякий случай ему пальцем взял чашку с уже насыпанным кофе и налил в неё кипятка. Выпив кофе он подошёл к окну за которым держался всё тот же крепкий туман, ничуть не просветлевший несмотря на ставший накрапывать сверху мелкий морозящий дождик, открыл пошире окно, закурил сигарету и выглянул во двор. Собственно ничего кроме тумана там его не встретило, внизу из-за него не было видно ни скамеек, ни низкой поросли кустарника, ни деревьев возвышавшихся ближе к центру двора, лишь только густой и свежий влажный туман. Он выкурил одну сигарету, немного постоял, потом закурил вторую и тут не без смешка для себя услышал гневные пререкания двух своих соседей с верхнего этажа, которые оказывается всё это время сидели на скамейке у входа под его окном.

Слегка приглушенные туманом до него доносились сердитые фразы их разговора.

– Послушай, ну это же глупо, это же самый настоящий дождь, а не мне показалось! Я же говорил что надо было взять с собой зонт, зонт, настоящий зонт!

– Успокойся, успокойся, Алёша, да ты прав, это дождь, и мы сейчас-же поднимемся и возьмём с собой зонт.

– Ну уж нет, если мы поднимемся, то мы ещё возьмём с собой и фонарик, ведь не приведи что, если мы засидимся и возвращаться придётся в темноте, ты что, об этом не подумал?

– Ну хорошо, мы возьмём с собой и зонтик, и фонарик.

На этом месте их пререкания затихли и где-то через минуту раздался скрежещущий хлопок водной двери и по лестнице захлюпали их грузные шаги, сопровождаемые неразборчивыми вздохами-причитаниями и совершенно неразборчивым сопением.

Андрей продолжал стоять у окна и наблюдать за белой пеленой тумана, которую казалось можно было просто и спокойно потрогать рукой, если только протянуть её чуть-чуть подальше. Дверь этажом выше скрипнула запуская к себе в покои двух блудных обитателей, ещё одна сигарета оказалась немного сырой и он положил её рядом с плитой около чайника что бы она нормально обсохла, вытащил ещё одну, вроде нормальную и только попытался её прикурить, как его невидимая гитара стоявшая рядом с ним в углу за занавеской опять выдала подобие какой-то музыкальной мелодии и только хотела наиграть вступительную партию к знаменитой «deer purple» -овской саге о дыме над водой, но он не дал ей доиграть столь мелодическое самодеятельное вступление и протянув руку прижал пальцами струны к грифу, на что его бедному инструменту осталось только недовольно замолчать сердито хлопнув под конец басовой струной. Но – всё было верно, и хоть гитара и замолчала, но не прошло и пятнадцати секунд как телефон на его тумбочке опять залился мелодичным звонком.

Он положил сигарету в пепельницу и выждав две секунды снял трубку. На сей раз к нему звонил Лёша, его старый однокашник и незаменимый соратник по их всевозможным путешествиям и походам по весьма-таки разнообразным местам и заведениям их весьма достойного и достопримечательного города. Он звонил в очень весёлом настроении и с самого начала разговора было ясно, что они где-то там опять веселятся, и скорее всего уже не один час... Ну что-же, а там и правда было что-то и весьма премиленькое...

– Ну да Андрей, ты знаешь, тут, на углу Главной улицы и проспекта Президента позавчера вечером открыли новый клуб. Какой, какой, конечно-же ночной, и ты знаешь, здесь сейчас играют замечательные ребята, я даже пол часа посидел у них за барабанной установкой, играют они замечательную мелодическую музыку и главное Андрей, ты знаешь, здесь сейчас такие девицы! Вот я сейчас разговариваю с тобой по телефону, а две из них висят у меня на шее, а третья поправляет у меня на голове причёску. Ей-богу, Андрей, приезжай – не пожалеешь, мы тут тебе такую девицу найдём, ну просто девственницу, да и ребята на эстраде одолжат тебе на полчаса партию гитары, какую ты сам захочешь выбрать, я тут им все уши прожужжал, ну как Андрей, едешь? Что? Не в настроении? Ну, а знаешь, а если к тебе? Ну, я и две девицы? Ну, что? Что? Ну вот и превосходно, превосходно. Что? Да? Ай, Андрей, извини меня сейчас зовут по одному вопросу, я через минуту перезвоню.

Да, а вообще-то долго думать не особенно-то и хотелось. Да, этот туман, хорошая погода, располагающий вечер, до Лениного приезда ещё две недели, а тут может и какая-нибудь симпатичная девица, других Алексей просто бы и не выбрал... Заманчиво... Ну, что же, и ведь правда, и если...

Да, но до конца додумать свою и вроде-бы вполне интересную мысль Андрей так и не успел: снова раздался телефонный звонок и Лёша, откашливаясь от чего-то, и возможно даже весьма горячительного просто выпалил в трубку:

– Андрей, извини, но мы придумали следующее. Меня только что попросили заменить в их группе бас-гитариста, на сорок минут, может быть на час, у этого парня что-то случилось с рукой, что-то не очень серьёзное, – кажется просто свело. Так что Андрюша я сам к тебе приехать сейчас не смогу, но мы придумали следующее, тебе наверняка понравится. Слушай дружище, мы тут для тебя такую девицу подыскали, так сразу залюбуешься, ну, знаешь сам увидишь, просто прелесть. Да, да, она согласна, так мы через десять минут посадим её в такси и подвезём к твоим дверям, она сейчас уже там одевается, девица-класс, увидишь-залюбуешься, ну всё, лады? Прекрасно, встречай её через полчаса у своего подъезда. Ну всё, дружище бывай-встречай. Да, кстати, а зовут её Наташа. Всё.

И через полчаса, когда уже стемнело и только эта полоса нависшего тумана так и висела вовсе даже и не думая шевелиться Андрей вышел из своей двери и вытащил сигарету. Но не успел он и два раза затянуться как в арку двора с улицы почти бесшумно и плавно въехало такси освещая себе путь жёлтыми противотуманными фарами, также тихо и бесшумно подкатило к его двери и тихонько хлопнув дверью из него выскочила весьма прелестная женская фигурка, украшенная головой с большой и очень игривой шапкой волос ниспадающих ей ниже плеч.

Она наклонилась к шофёру, что-то тихо ему сказала, потом повернулась к нему и неотразимо улыбнулась. Андрей был немного поражён, – да, как-то редко встречались ему такие прелестные и миловидно-запоминающиеся лица.

– Извините, но вы, наверное, Андрей?

– Да, извините, но вы, наверное, Наташа?

Они немного молча посмотрели друг на друга, после чего оба расцвели в взаимной улыбке и Андрей открыв дверь своей парадной пропустил свою новую подругу вперёд и сказал: – «Нам на третий этаж». Когда они разделись и уселись в креслах около небольшого журнального столика на котором стояла бутылка «Линштейна», два высоких бокала, коробка с мелко наколотым льдом, коробка шоколадных конфет и две пачки сигарет рядом с чистой и блестящей пепельницей разговор потянулся сразу и в очень дружественной и доверительной интонации.

Да, её зовут Наташа, она студентка художественного института Культуры, закончила уже четвёртый курс, иногда с подругами развлекается и посещает музыкальные клубы, а сегодня... А что было сегодня она просто сама на самом деле точно не знала, они пришли с подругами в новый ночной клуб послушать музыку, потанцевать, её подруг почти тотчас-же расхватили и её саму окружило множество кавалеров, и один из них, Лёша ей чем-то особенно понравился, потом он долго с кем-то разговаривал по телефону и в результате сообщил что с его другом, Андреем, случилась беда, что он сейчас сидит и скучает, и совсем одинок и что помочь ему может наверное только она, да, навряд-ли какая-нибудь другая из её подруг сможет справиться с таким ответственным делом...

Они рассмеялись, немного пошутили, выпили по бокалу ликёра и она согласилась, «почему бы и нет»... Она оделась, села в подъехавшее такси и вот она у него, и у него ей очень даже нравится, и вечер такой тихий, и хозяин такой молодой...

Они так поговорили минут пятнадцать, выпили по бокалу благородного напитка и Наташа сказав какой за окном туман, а здесь даже как-то тепло сняла свою верхнюю куртку повесив её на спинке кресла и осталась в одной футболке под которой вроде бы ничего больше и не было и слегка наклонив голову с искрой усмешки посмотрела на убранную и застеленную к этому моменту постель.

– Вы уж извините, я просто-напросто простая студентка, и ничем плохим я никогда не занималась, но сегодня такой замечательный вечер, и на улице такой туман, да туман, и что...

Тут она замолчала и Андрей щёлкнул выключателем и погасил свет.

Уже ближе к середине ночи, отдыхая и охлаждаясь бокалами «Линштейна» после бурных и взаимных объятий в ходе неспешного дружественного разговора вообще-то удалось выяснить что Наташа на самом деле была почти девственница, что за всю её жизнь и все четыре курса института Культуры у неё было всего две интимные связи с мужчинами и что у Андрея ей нравится больше всего, и что они скорее всего станут друзьями, и что и этот туман, и что вообще всё будет хорошо.

Заснули они где-то около пяти часов утра, Наташа мирно устроила свою голову на подушке у Андрея и небольшой сквозняк сочившийся через открытое окошко слегка шевелил шёлковые покрывала которые накрывали эту счастливую пару.

На следующий день туман и не думал редеть, «Линштейн» поддерживал хорошее настроение и они совершенно не думали расставаться и даже не собирались как-либо серьёзно вылезать из кровати, лишь изредка Наташа подбегала к плите разогревать чайник или к холодильнику чтобы вытащить очередную пиццу.

День прошёл почти не заметно, под вечер они задремали сложив свои головы на груди у Андрея и на руке его подруги, немного подремав проснулись и осушили до конца все благородные остатки «Линштейна» и уже когда светало и Андрей аккуратно перебирал Наташины волосы пытаясь провести в них ровный пробор они ещё раз крепко обнялись и завалились на кровать, но где-то минут через пятнадцать Наташа легко выпрыгнула из кровати, поставила на огонь чайник, надела футболку и широко и немного виновато улыбнувшись наклонилась к Андрею и шепнула ему: «Извини меня милый, но я ещё не всё тебе рассказала, Андрюша, сегодня утром домой приезжают мои сестра и мать, и мне обязательно надо их встретить и приготовить всё к их приезду. Так что, Андрюша, милый, извини, но мне сейчас нужно уходить, ты уж извини меня пожалуйста. Ах, милый, как хорошо с тобой было, какой уютный у тебя дом и вообще, какой ты милый»... – прошептала она, наклонилась, крепко поцеловала Андрея, сняла со спинки кресла свои штаны, надела их, поправила футболку и налила две крепкие чашки кофе.

Через пол часа, обменявшись адресами и телефонами, два раза сфотографировавшись на фоне плаката «ЭйСи — ДиСи» висевшего на стене у Андрея и ещё раз крепко и долго поцеловавшись они пообещав регулярно созваниваться расстались около входной парадной двери, к которой уже подъезжало заказанное Андреем по телефону такси.

В ближайшие четыре дня туман как-бы уступил своё место мелкому накрапывающему дождю который лил над городом и стучал по стёклам не переставая днём и ночью. Андрей никуда не выходил, сидел в кресле перебирая струны своей заслуженной гитары, ставил на проигрыватель диски «Moody blues» и «beatles», рисовал какие-то шаржи на своих знакомых, слушал стук капель по стеклу...

На утро пятого дня его разбудил неожиданный и громкий звонок в дверь. Он поднялся, натянул халат, подошёл и открыл свою дверь за которой встретил стоящих и немного ему улыбающихся Лёшу и Сергея, тоже его старого однокашника, с которым вместе они играли в студенческой группе почти все знаменитые песни весьма и весьма значительного и богатого рок-наследия.

Лёша и Сергей поздоровались, обменялись лёгкими рукопожатиями и вошли в комнату. Андрей поставил чайник, пригласил их сесть и сам уселся на кресло напротив них.

– Ну, и как тебе этот вид? – вопросительно спросил Алексей, постукивая ложкой по краю фарфоровой чашки.

– Какой ещё вид? – переспросил Андрей, – у нас что, устроили показ какой-то картинной галереи?

– Вот-те да, – взвыл его бывший барабанщик, – ты что, в последнее время так и не вылезал на улицу?

– Да нет, вообще-то не вылезал...

– Да ты что, вот это номер! Ты ещё не знаешь! Представь себе, по приказу губернатора или кого-то из его команды все дома в городе перекрасили в ровный зелёный цвет, перекрашивали два дня, и утром, и вечером и ночью без перерывов. Так что, дорогой мой друг мы живём теперь в совершенно зелёном городе. Да, и уже четыре дня как живём. Ну, давай допьем кофе и сходим посмотрим, и раз ты действительно ещё не видел, то вообще-то на это надо обязательно посмотреть. Да, и кстати, как тебе Наташа? Ну да, я знал что она тебе понравится. А она от тебя в полном восторге, я звонил. Да нет, ты брось, какое тут спасибо, ведь это я по дружбе, знал ведь что ты скучаешь. Ну что, все оделись? Ну, теперь пошли, пойдём посмотрим город наш родной, и то, как стал он весь зелёным.

Да, действительно под мелким морозящим дождиком, который поливал город уже пятый день, открылась несколько удивительная даже для их и без того немало видевших глаз картина.

Все дома вдоль проспекта и нескольких чуть видных прилегающих улиц, ещё неделю тому назад пестривших будничными желтоватыми и серыми тонами, привычными, надоевшими и крайне приевшимися теперь были выкрашены в ровный, спокойный и даже какой-то праздничный зелёный цвет, чем-то каким-то неуловимым и незаметным впечатлявшим и радовавшим взгляд и так мерно гармонизировавшим с этим мелким морозящим, но не надоедающим дождём.

Да, вот и картина, вот и встреча, – всю жизнь жили в одном городе, а вышли погулять и оказались совсем в другом, каком-то более спокойном, умиротворяющем, красивом...

– Ну, и как тебе картина перерождения? Я же говорил, ну и вид теперь принял наш серый город! Его и не узнаешь, даже самых знакомых с детства мест. Да, кстати, мы проверили все улицы, они все уже одного цвета. Только в нескольких домах, не очень запущенных и как-то, но приличных обошлось без изменений. Ну, что, пройдем, пропустим по рюмочке чего-нибудь бодрящего, это этого стоит. Да, ещё раз, как тебе понравилась эта Наташа? Ты знаешь, а она от тебя совершенно без ума, каждый день звонит и спрашивает, как ты там поживаешь и не присил-ли ты чего-нибудь для себя, там мелочёвки какой-нибудь... Ну, ты же знаешь, это же женщины, но эта вроде-бы на тебя серьёзно попалась. И как ты её там чем-то серьёзно подцепил? Ну, да ладно, мы уже немного подмокли, пойдём выпьем чего-нибудь горячего и немного чего-нибудь что бы взбодриться.

Да, ничего не скажешь, привычный город и правда немного изменился и ещё два дня по крышам и стёклам легонько барабанил лёгкий дождь, но под вечер второго дня он прекратился и над улицами города опять поплыли облака тумана. Под вечер он уже почти скрыл все дома на другой стороне улицы, а под утро из окна опять было видно только матовую пелену, совершенно скрывавшую всё другое.

Андрей поскучал у окна глядя на белый полог опять накрывший весь город, потом немного подумал, взял гитару, наиграл несколько музыкальных партий примерно из Джо Сатрианни, потом поставил гитару на место, подошёл к проигрывателю и немного поворошив пластинки вытащил «Stg Perppers Ionely heart club band» несравненных и горячо любимых Битлз.

Он послушал пластинку, потом перевернул её ещё раз на начало, налил себе чаю, добавил молока, распечатал новую пачку дорогих сигарет но посмотрев что за окном уже темнеет немного подумав отложил распечатанную пачку, допил свой чай и решил всё-таки ещё немного прогуляться. На улице было тепло и уже прилично стемнело и накинув на себя куртку с капюшоном и взяв с собой так и не начатую пачку сигарет он вышел во двор, остановился сначала у крайних скамеек, но потом скептически осмотрев их направился к середине двора где росла группа больших, почти столетних деревьев и около них покоилась одинокая и совершенно приличная скамейка, правда сейчас почти совсем не видная из-за тумана. Он подошёл к ней, смахнул капли влаги оставшиеся от нависавшего повсюду тумана, уселся, вздохнул и закурил мягко пуская дым сигареты аккуратными кольцами. Какая-то необыкновенная лёгкость и умиротворение царило под этим местом, какое-то необыкновенное спокойствие и какая-то необычайная лёгкость витали в этот вечер около этих деревьев. Он спокойно посидел минут двадцать вдыхая свежий воздух и немного удивляясь какому-то спокойному величию, потом достал ещё одну сигарету, и, и... Да Боже, когда же это было! О, Боже правый, а действительно же было, и года два назад. Тогда, в такой же примерно вечер он отдыхал на юге, в Крыму и записал тогда одно стихотворение, вертевшееся в тот тёплый южный вечер у него в голове. Он тогда его написал, стихотворение это было очень даже вполне приличным, и он остался им доволен, но, увы, когда он собирался уезжать обратно, листок с этим стихотворением он где-то оставил...

Да, как-же давно это было... Но – Боже, вот-же оно, это стихотворение, как будто то самое, только с небольшими дополнениями, которые он тогда не успел сделать! Да, вот оно, всё,

полностью, длинной в полторы тетрадные страницы, полностью всплыло у него в голове сверкая чеканкой слов и бриллиантовыми гранями рифм, последовательно связывающих строки и четверостишия...

– Да, право, Боже, вот и оно, – повторил он, повторяя про себя по строчкам своё старое стихотворение стараясь как следует его вспомнить, чтобы можно было не забыть и записать его дома, и может быть даже ещё лучше, чем оно было записано вначале...

Так он сидел ещё минут пятнадцать практически не заметив как деревья за его спиной начали неслышно покачиваться, хотя ветра никакого практически не было и в помине... Он мог бы так просидеть ещё долго, но с дерева, нависшего над его скамейкой вдруг совершенно неожиданно сорвался и упал вниз большой треснувший сук чуть-чуть слегка задев его за плечо.

Он поднял упавшую палку, посмотрел на это дерево и хмыкнул:

– Ну, чего это вы вдруг ветками раскидываться стали?

Да, ответ на это был просто неожиданным. В тишине, наполненной туманом чуть приглушенно, но гулко и ясно прозвучал ответ на его реплику слегка сопровождаясь лёгким древесным поскрипыванием:

– Нет, ничего, это мы просто так.

– Мы? Кто это мы?

– Мы – это те, кто над вами.

– Да, а как-же вас называть?

– Никак.

– Ну, так...

– Никаких так, и запомни, сегодня вечером, чуть позже.

– Что?

– Иди домой, там.

– Так что же это, и кто вы такие, чёрт вас дери!

– Мы? Деревья.

– Так что, вы хотите сказать, что деревья умеют разговаривать?

– Нет, поскрипывая и потрескивая сучьями раздался ответ, – деревья разговаривать не умеют.

И на этом всё замолчало. Только около скамейки, на которой он сидел царила всё та-же величественная лёгкость и прохлада.

Ещё немного посидев и немного усмехнувшись про себя, – уж не дурачил ли его здесь кто-нибудь Андрей прошёл около этих вековых стражей, но не нашёл никаких следов чьего-либо присутствия и лишь когда он опять подошёл к своей скамейке какое-то дерево покачнулось, немного треснуло и сквозь шум листвы снова послышалось чуть слышное: «Домой»...

Делать было нечего, он поднялся по лестнице и закрыл за собой дверь. Вот это интересно, с каких это пор наши деревья научились разговаривать... Да, интересно, особенно то, что «Запомни, сегодня вечером, чуть позже»... Интересно, что это будет и к чему это вообще... Ну да ладно, чуть позже, чуть позже, подождём-увидим, а пока, а пока... Да, как-же это я тогда писал, – бормотал он про себя разыскивая ручку и листок бумаги. Да, вот так, потом так, потом, кажется так, – сосредоточенно повторял он про себя склонившись над тетрадью и тщательно восстанавливая строчку за строчкой, рифму за рифмой, пяти и семистрочные столбцы давно забытого, но очень хорошего стихотворения. – Вот это да, вот это так, а здесь ещё чуть-чуть подправить, ещё одно трёхстишие... Вот, кажется, такое, вот здесь чуть-чуть, да, а вот здесь теперь и концовка... Вот и всё. Ей Богу, а не плохо, её богу, оно самое, вот только чуть-чуть подправил и чуть-чуть подравнял, и эти две рифмы провёл немного отчётливей... – Так рассуждал он глядя на вновь переписанное и вновь ожившее, отливающее разными радужными гранями и оттенками стихотворение, которое написал давно, полусерьёзно и давно забыл... – Да, это вроде бы оно... – ещё раз повторил про себя он, потянулся за сига-

ретой, чиркнул зажигалкой и тут тишину в его комнате нарушила его верная гитара, которая почти без обычной вступительной музыкальной репризы разразилась сразу припевом из вечной, не стареющей Битловской «All you need is love», этот проигрыш прозвучал один раз, потом пол минуты тишины, потом он опять повторился. Но увы, доиграть самостоятельному инструменту помешал и даже несколько неожиданно звонок в дверь. Андрей распахнул дверь и в комнату вошла если даже не вплыла окружённая волной свежести, прохлады, спокойствия и величия весёлая и загорелая Елена.

– Извини, Андрюша, что не смогла предупредить тебя о моём раннем приезде, – сказала она в дверях ставя под вешалкой три большие пакета полных скорее всего всякими южными сувенирами и проходя в комнату. – Андрюша, ведь я же собиралась ещё три дня позагорать на этом курорте, но, Андрюша, какая прелесть стоит сейчас у нас в городе, всё свежо, спокойно, на улице уже всюду расцвела сирень, и может мне показалось, но весь город сейчас как будто бы укрыт туманом...

– Да, у нас в городе уже неделю туман...

– Да, значит мне не показалось, вот и прекрасно. Ты знаешь, Андрюша, я действительно собиралась задержаться там до конца своего отпуска, но ты знаешь... Ты знаешь... Ты помнишь свой амулет, который ты всегда носил с собой, который, как ты мне рассказывал, достался тебе ещё от твоей прабабки, такая большая семиконечная звезда с окошком-крышкой по середине, корпус из серебра покрытого позолотой и большая толстая платиновая цепь на которую ты вешал этот амулет на шею... И ещё, в пяти местах у начала нескольких лучей там были вставлены пять крупных рубинов. Да, тот самый, который ты потерял во время поездки в Псков, когда ты где-то там загорал и купался примерно три года назад, где-то через год после нашего знакомства... Так вот Андрей, ты не поверишь, но три дня назад возвращаясь вечером с пляжа в свой отель я случайно обо что-то споткнулась на почти ровном асфальте... Я наклонилась, что бы посмотреть на что я могла наступить, но ничего не нашла и пошла уже дальше, но тут двое каких-то мужчин окликнули меня, и сказали: – Девушка, вы кажется что-то уронили, посмотрите, вон, там лежит. – Я обернулась, подошла, чтобы посмотреть, что я могла потерять... И ты знаешь, можешь не верить, но там, в Анапе, на ровном тротуаре, где-то ближе к вечеру, лежала поблёскивая на солнце эта самая семиконечная звезда, я сначала удивилась, но потом когда я её подобрала, я не могла её уже не узнать, и открыв крышку скрывавшую маленький тайник в середине нашла в ней свою фотографию... Вот, на, посмотри сам, это тот самый амулет, вот, на, – и она расстегнув куртку сняла с груди большую семигранную звезду на толстой цепочке и протянула её ошарашенному хозяину, который ещё толком не прейдя в себя от этой неожиданности и немного не веря осмотрел её, потом открыл маленький медальон по середине в котором сразу-же увидел немного пожелтевшую Ленину фотографию которую он сам туда вставлял в начале их знакомства, а на обратной стороне было выгравировано послание от его уже давно почившей прабабки: «Правнуку Андрею от его прабабушки Алёны медальон моей матери, который сохранит мир, спокойствие и счастье в его семье».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.